

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПАЛЕСТИНЦА В ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ

С.Д. Камалова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

*В статье рассматривается имагологический образ палестинца в англоязычной художественной литературе, посвящённой палестино-израильскому конфликту, который представлен с позиций израильской стороны. Анализ осуществляется в рамках нового междисциплинарного научного направления – лингвистической имагологии, изучающей языковой аспект репрезентации образа другого народа. Рассматриваются теоретические основы функционирования имагологического образа, выявляется структура и лингвоимагологические механизмы создания образа палестинца как «чужого» и как «иного». Имагологический образ глубже и сложнее стереотипа, однако периодически может принимать форму последнего, что в исследуемых произведениях происходит в прямой и несобственно-прямой речи персонажей подросткового возраста, характеризующейся использованием ярлыков и мифологем. Слова автора и речь персонажей старшего возраста указывают на более осмысленное понимание «чужих», «иных», что в частности проявляется в афористических высказываниях. Семантическая дихотомия *we-they/ we-you* иллюстрирует стратегию объединения рядовых палестинцев и израильтян в круг «своих», противопоставляя их верхушке израильской власти и руководству палестинских террористических организаций. Результаты исследования демонстрируют стремление англоязычных авторов преодолеть стереотипность в восприятии палестинской стороны путём создания многоаспектного, многомерного имагологического образа палестинца.*

Ключевые слова: лингвистическая имагология, палестино-израильский конфликт, имагологический образ, стереотип, дихотомия «свой-чужой».

Интерес к образу «других», «иных», «чужих» стран и народов существует ещё с древних времён. Однако выдвигание этого образа в качестве объекта отдельной научной дисциплины происходит в середине XX века, когда в рамках сравнительного литературоведения зародилась имагология (от лат. *imago* – образ и др.-греч. *λόγος* – слово, знание [12]), изучающая «авто- и гетерообразы наций, иными словами, образы “своего” и “чужого/другого”, их происхождение, содержание и историческую изменчивость» [11, с. 3]. Как отмечает А. Р. Ощепков, её основоположниками являются Жан-Мари Карре, исследовавший образ Германии во французской литературе, и Мариус-Франсуа Гийяр, автор книги «Сравнительное литературоведение» (1951), призывавший отвлечься от изучения литературных влияний и приступить к рассмотрению образа «другого» [9, с. 251].

Среди других ключевых фигур, повлиявших на развитие имагологии, необходимо назвать бельгийского исследователя Хуго Дизеринка, статья которого под названием «К проблеме имиджей и миражей и их исследования в рамках сравнительного литературоведения», вышедшая в 1966 году, легла в основу так называемой «Аахенской программы по имагологии». Как отмечает О. Ю. Поляков, именно Х. Дизеринк впервые применил термин имагология к новой области сравнительного литературоведения, позаимствовав его из трудов французских этнопсихологов [10, с. 123]. Ещё одной важной фигурой в становлении имагологии как науки является нидерландский учёный Йозеп Леерссен, который также разрабатывал методологические положения новой научной дисциплины, указывая на важную роль изучения самого текста произведения, обращение к его дискурсу [15, с. 28].

Учёные отмечают междисциплинарный характер этой науки, утверждая, что сфера исследований имагологии находится в разных гуманитарных дисциплинах и коренится «в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи» [9, с. 251]. Более того, сама имагология сегодня разветвляется на различные направления, например, историческую, художественную, а также лингвистическую и др.

Наше исследование проводится с позиций лингвистической имагологии, или лингвоимагологии. Как отмечает А. В. Зеленин, лингвистическая имагология формируется на стыке таких наук, как лингвокультурология, этнолингвистика, этнология, этносемиотика, культурная семантика, лингвопедагогика, теория дискурса, лингвоаксеология [2, с. 63]. Таким образом, подчёркивается роль культурологических, этнических и ценностных ориентиров в рамках рассматриваемой дисциплины. Л. П. Иванова, в свою очередь, располагает лингвоимагологию на пересечении когнитивной лингвистики, прагмалингвистики и межкультурной коммуникации [5, с. 110], видя цель нового направления в изучении «образа одного народа и страны в сознании другого народа» [4, с. 471].

В своём диссертационном исследовании К.В. Костина определяет лингвистическую имагологию как «раздел науки об образе, изучающий языковые особенности формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [8, с. 28]. Однако А. В. Зеленин расширяет предмет рассматриваемой дисциплины, включая в него изучение образа и другой культуры, и другого народа, этноса, «что закреплено в языковой форме (в литературе, драматургии, поэзии, эссеистике, путевых заметках и т.п.) и отражает коллективные (в форме мифов, стереотипов), групповые или индивидуальные представления» [2, с. 63]. Предметом же непосредственно лингвоимагологического анализа Л. П. Иванова считает «оценку, прецедентные феномены, паралингвистическую ситуацию, стилистические коннотации», отмечая при этом открытый статус этого перечня в связи с проведением новых исследований [5, с. 110], а подходящим материалом для анализа, по мнению учёной, являются «художественные тексты, мемуары, эпистолярный, путевые заметки, публицистика, содержащие описание и оценку других народов и стран» [6, с. 53].

Одним из центральных понятий имагологии в целом и лингвистической имагологии в частности является имагологический образ. Его детальный анализ с позиций имагологии даётся в ввводной статье В. Б. Земскова к сборнику «На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX- начало XXI вв.)». Как отмечает В.Б. Земсков, «в понятийном аппарате имагологии понятие образ имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое, конкретное, в качестве одного из “инструментов” (или “механизмов”) рецепции и репрезентации» [3, с. 7]. Под широким значением понятия «образ» автор подразумевает общую характеристику имагологической деятельности, как, например, образ какой-либо страны. В узком смысле образ выступает «в конкретном поэтологическом значении – те образы, которые создаются литературой, искусством» [3, с. 20]. Следовательно, под имагологическим образом подразумевается художественный образ «ино-го», «другого», художественный инациональный образ. Как отмечает С. Б. Королёва, «имагологический образ в литературе индивидуален, создаётся автором, но при этом необходимо соотносится с общим, традиционным, стереотипизированным, актуальным для настоящего исторического момента образом нации, а также с исторической целостностью социокультурного инационального мифа» [7, с. 28]. Под инациональным мифом автор при этом подразумевает устойчивое ментальное образование, которое выстраивается на дихотомии «своё-чужое», порождается сознанием при контакте и другой культурой и находит своё выражение в образах, стереотипах, рассказах об истории другой нации [7, с. 27-28].

Как отмечает В. Б. Земсков, имагологический образ может принимать форму стереотипа. Исследователь описывает основные свойства обоих имагологических продуктов через их противопоставление. Имагологические образы многомерны, многоаспектны, стереотипы же однозначны, шаблонны. Образы носят, с одной стороны, целостный, а с другой – дифференцированный характер, стереотипы же неразложимы [3, с. 20]. Как мы видим, имагологический образ – более сложное явление, которое в зависимости от задумки автора текста может приобрести форму стереотипа, но может и не делать этого: «Образы подлинного искусства обладают бесконечной глубиной, они опровергают стереотипы и воссоздают национальную “онтологию”,

идентичность в её сложности... В образах искусства иной тип аксиологичности, более аналитически усложнённый, но главное, искусство воссоздаёт мир «другого» не как другого-чужого, а как другого-иноного» [3, с. 20]. В этой связи поясним принципиальную разницу между «чужим» и «иным». Как указывает В. В. Феррони, «иной» не разделяет наших ценностей в данный момент, но потенциально готов их разделить, т.е. с «иным» мы потенциально можем иметь общее будущее. Применяя понятие «иноного» к международным отношениям, В. В. Феррони приводит пример народа, который вёл или ведёт войну против другого народа, которого он при этом искренне пытается понять [13, с. 120]. Таким образом, с «иным» мы можем вести диалог. Если же происходит отказ от этого диалога, то мы имеем дело уже с «чужим», который в отличие от «иноного», потенциально имеющего шанс разделить с нами общее будущее, реализует себя в неуловимом настоящем, в отсутствии, небытии, а значит, представляется невысказанным, вызывая страх и неприязнь [13, с. 125]. Стоит отметить, что в рассматриваемых нами произведениях имагологический образ словно маятник переходит из одной категории в другую, в зависимости от развития сюжета и эмоционального посыла, принимая форму то «иноного», то «чужого».

Важно также указать на ещё одну особенность имагологического образа. Его формирование обусловливается цивилизационной и конфессиональной принадлежностью, идеологической составляющей, а также политическим и историческим контекстами. При этом для развития имагологического образа характерно наложение новых черт на старые, сосуществование признаков, присущих восприятию образа на разных исторических этапах. Как пишет В. Б. Земсков, «старое никогда не исчезает, и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о «другом», и в том, что касается его «положительных», и в том, что касается его «отрицательных» сторон» [3, с. 12].

В данной статье мы рассматриваем имагологический образ палестинца в палестино-израильском конфликте. Материалом для статьи служат англоязычные художественные произведения американских авторов Gloria Dubov Miklowitz (Глория Дубов Микловитц) "The Enemy Has a Face", Pnina Moed Kass (Пнина Моэд Касс) "Real Time" и британского автора Lynne Reid Banks (Линн Рейд Бэнкс) "Broken Bridge", сюжет

которых разворачивается на фоне палестино-израильского противостояния. Важно отметить, что в данных романах, рассчитанных на читателей подросткового и юношеского возраста (Young Adult Literature), представлен израильский взгляд на конфликт, в связи с чем предоставляется возможность изучить образ иноного, чужого, прежде всего, в лице персонажей-палестинцев.

В первую очередь, отметим механизм актуализации имагологического образа палестинца посредством описания внешности. Ключевым элементом внешности палестинских персонажей в исследуемой литературе являются глаза, взгляд. Как говорят, глаза – зеркало души, взгляд позволяет понять, о чём мыслит человек, каковы его переживания. Таким образом, пристальное внимание к глазам, а точнее, выражаемым ими эмоциям, демонстрирует желание понять другого, чужого. Эпитеты, указывающие на отношение, выражаемое взглядом, к происходящему или к собеседнику, а также на цвет глаз, сопровождают практически все описания взгляда: *the dark hair and eyes of most Arabs* [23, с. 7], *his dark eyes seem more friendly* [23, с. 31], *His bitter black-olive eyes* [14, с.113], *The old men with their hate-filled eyes* [14, с.103].

Кроме того, в описании взгляда важную роль могут играть глаголы зрительной перцепции, дающие ему более подробную характеристику: *his dark eyes bore into me, insolent and accusing* [23, с. 8]; *His dark eyes blaze with dislike* [23, с. 106]; *His dark eyes flash* [23, с. 127]. Как мы видим, эмоциональная составляющая взгляда палестинцев несёт отрицательный заряд, отражая отношение одной стороны конфликта к другой.

В исследуемом материале достаточно много внимания уделяется философским воззрениям палестинцев на жизнь, на прошлое, настоящее и будущее. Безрадостность и мрачность преобладают над оптимизмом и жизнелюбием. Безысходность и обречённость на смерть становятся предметом рассуждений палестинского подростка в следующем фрагменте:

All over the world sixteen is paradise, opportunity, girls, cars, everything. I watch television in Omar's house and see sixteen.

Sixteen is the beach, your own room, a cell phone, surfing on waves that never end, different clothes for every day of the week, a refrigerator full of ice cream and chocolates, a mother who waits for you in a kitchen with a washing machine and a dishwasher, and a father who comes home from work. That is sixteen.

Here sixteen is the magic age of death. No children, no responsibilities, no wife. A sixteen-year-old is a walking grave. Why give a job to someone about to die? Kids who explode themselves and kill Israelis have no future, so don't give them a future [22, с. 21-22].

В данном отрывке представлено мнение шестнадцатилетнего палестинца Самеха, готовящегося совершить теракт, о различиях в жизни своих сверстников на территории Палестины и за рубежом. На первый план выдвигается противопоставление локаций *all over the world* и *here* и соответствующих им концептуальных понятий жизни и смерти. Безусловно, представления Самеха о жизни шестнадцатилетних подростков за рубежом носит весьма стереотипный характер, навязанный телевидением. Главным инструментом описания служат цепочки однородных членов, указывающих на достаточно разнородные понятия, являющиеся предметом желаний Самеха-ребёнка (*a refrigerator full of ice cream and chocolates*), Самеха-подростка (*girls, cars, a cell-phone, different clothes*) и Самеха-взрослого (*a mother who waits for you in a kitchen with a washing machine and a dishwasher*). Такое подробное, в некотором смысле даже хаотичное перечисление составляющих элементов жизни шестнадцатилетних подростков «всего мира» усиливает резкость контраста с описанием этого периода жизни, будь он проведён в Палестине. По мнению Самеха, шестнадцатилетний палестинский подросток обречён на смерть. Парадоксальным и обескураживающим кажется оксюмороническое словосочетание “*the magic age of death*”, которое является первым составным элементом семантического поля «смерть». Наряду с глаголами “*die*”, “*explode*”, “*kill*” в него входит ещё один оксюморон “*a walking grave*”, в семантике которого в противоречие вступают не только жизнь и смерть, но и человеческое начало (“*walking*”) и опредмеченность, бездуховность (метонимическое использование лексемы “*grave*”). И наконец, обратим внимание на маркированное нарушение причинно-следственной связи в последнем предложении отрывка: смерть является причиной отсутствия будущего, в результате чего нет необходимости даровать шанс на будущее, хотя логично было бы сказать, что отсутствие будущего, отсутствие возможностей и ведёт к смерти. Таким образом, подчёркивается идея безвыходности, замкнутости ситуации, с которой шестнадцатилетний палестинский подросток не в состоянии справиться.

Безвыходность и безнадежность приводят к преобладанию таких характеристик личности, как внушаемость, подверженность манипулированию, зависимость от мнения окружающих. Желание самоутвердиться в условиях изнуряющего конфликта приводит к решению примкнуть к радикальной группе и совершить преступление. Психологическая слабость, незрелость палестинских подростков утверждается через представление речей вербовщиков, использующих явные, распознаваемые персуазивные инструменты, такие как лексические повторы, параллельные конструкции, риторические вопросы: *You want to be part of it? You want to be a man, a Palestinian brother? You want to hold up your head, get your own back?* [14, с. 132]. Также используется сакральная лексика (*Sameh, take care, remember Allah, repeat the verses from the Koran* [22, с. 70]), маркеры «нашесть» (*we, our, brother* [14, с. 132]), маркеры чуждости (*they, enemy, traitor* [14, с. 132]), мифологемы (“*We will struggle until every Israeli is dead and the Jews are driven from the land*” [22, с. 117]).

Обратимся к отрывку из речи палестинского подростка Самеха, готовящегося к совершению террористической атаки, которую в итоге он сам так и не смог осуществить. Руководители радикальной группы записывают видеообращение подростка с его «последним» заявлением:

“*There is nothing greater than being martyred for the sake of Allah, on the land of Palestine. Cry only in joy, my mother. Hand out dates, my brothers, for your son and brother awaits a wedding in Heaven*” [22, с. 101].

Данный фрагмент обладает возвышенным тоном, на что указывают параллельные конструкции, позиция обращений, сакральная лексика. Складывается впечатление, что Самех выучил заранее заготовленную для него речь, чтобы воспроизвести её для записи традиционного обращения смертника к родным и близким перед совершением теракта. Таким образом, автор демонстрирует подверженность палестинского подростка идеологическому воздействию со стороны радикальных групп.

Имагологический образ палестинца в исследуемых произведениях временами приобретает форму стереотипа. Как правило, это происходит в прямой и несобственно-прямой речи израильских подростков посредством навешивания ярлыков *enemy* (*We're from the same part of the world, which should give us lots in common, but it doesn't. He's the enemy* [23, с. 7]), использования

мифологем – Pair of cold-blooded killers, like all of them are in their hearts [14, с. 96], в то время как персонажи старшего поколения проявляют более толерантное отношение к «чужим», как правило, в виде сентенций, афористических изречений: stones are not as lethal as bullets [14, с. 239], You can't have a nice, kindly, humane occupation of one people by another [14, с. 238], An enemy is whose story we have not heard [23, с. 70].

Неотъемлемым средством в выстраивании образа другого народа, отдельных имагологических образов является использование иноязычной лексики, отражающей реалии жизни «чужих». Как правило, это слова приветствия, например, арабские приветствия salaam, ahalan [14, с. 269], названия блюд арабской кухни (makluba [22, с. 46], beama [23, с. 31], kubeh, za'atar [14, с. 253]), сакральная лексика (Inshaallah [23, с. 8], Allahu Akbar [22, с. 116]), а также социально-политические термины, самым известным из которых является intifada. Слово «интифада», которое, как утверждает известный американский литературный критик и политический активист палестинского происхождения Эдвард Саид, является единственным арабским словом, вошедшим в словарь мировой политики XX столетия [24, с. 5], происходит от арабского глагола intafada – 1. стряхиваться, вытряхиваться; 2. трястись, вздрагивать; 3. выступать, подниматься (против кого-л.); 4. вскакивать. Буквально означает восстание, революционное выступление [1, с. 820]. Обратимся к определению рассматриваемой лексемы в словарях английского языка: the Palestinian uprising against Israeli occupation of the West Bank and Gaza Strip [20]; a violent act of opposition by the Palestinian people to the Israeli occupation of the West Bank and Gaza Strip [16]; an armed uprising of Palestinians against Israeli occupation of the West Bank and Gaza Strip [21]; the Palestinian rebellion that started in 1987 as a protest against the Israeli occupation of the West Bank and Gaza Strip [19]. Таким образом, наряду с более нейтральным обозначением восстания против израильской оккупации, имеет место и указание на жесткость действий, и на использование оружия в ходе восстания.

По-разному представлена данная лексема и в исследуемых произведениях. Обратим внимание на следующие примеры:

1) What was it that pushed him to come here, in the middle of an intifada, with Palestinians and Israelis being injured and killed almost every day? [22, с. 64].

2) Then, in 1988, he was sent with his unit to the West Bank and Gaza to contain the Arab uprising, the intifada [14, с. 232].

3) But the intifada, I understand that. There's always been only one way to win freedom: through fighting. It's the way we won ours [14, с. 239].

4) He's from Ramallah, the Arab city on the West Bank of the Jordan River, where all the trouble is. Where the Intifada – the Arab underground – rules [23, с. 7].

5) You know how the Intifada works! When they bomb something or kill someone, they want the whole world to know what they did and why [23, с. 68].

Первые три примера иллюстрируют словарное значение термина intifada, при этом нельзя не отметить употребление неопределённого артикля перед рассматриваемой лексемой в первом отрывке, таким образом, an intifada рассматривается не в глобальном смысле как движение сопротивления, а как единичное проявление борьбы, очередная волна, вспышка длительного массового выступления. (Обратим здесь также внимание на вторично-предикативную конструкцию в пассивном залоге, позволяющем избежать упоминания исполнителя действия). В остальных примерах термин используется с определённым артиклем, указывающим на уникальное в своём роде общественно-политическое явление. Однако в последних двух примерах значение рассматриваемой лексемы значительно модифицируется, причём речь идёт даже не о коннотативном, а о денотативном значении. Толкование термина intifada посредством лексемы underground, определяемой Кембриджским словарём как: a group of people who secretly fight against the government [17], указывает не только на метонимический перенос значения «действие – люди, осуществляющие это действие», но и на значительное сужение объёма понятия, ведь в данном случае под интифадой подразумеваются подпольно организованные группы людей, хотя участниками интифады, согласно Национально политической энциклопедии [18], являлись помимо подростков, бросавших камни в израильских солдат, также и те, кто бойкотировал израильские товары. Из последнего примера ясно, что автор “The Enemy Has a Face” действительно подразумевает под понятием intifada участников террористических группировок.

Таким образом, употребление лексемы intifada, отражающей исторически значимое явление в палестино-израильском конфликте,

демонстрирует заметное изменение денотативного значения.

Как уже отмечалось, имагология базируется на дихотомии «свой-чужой», или «мы-они». Логично, что в произведениях, посвящённых многолетнему межнациональному конфликту, данное противопоставление своих чужим носит эксплицитный характер, актуализируясь, прежде всего, за счёт использования маркера чуждости *they*, семантической оппозиции *we – you* как варианта дихотомии *we – they* в прямом диалоге между израильскими и палестинскими персонажами, использования параллельных конструкций, образующих антитезу. Данные приёмы иллюстрируются следующими примерами:

1) “In destroying them, we destroy ourselves! They are like us! No worse, no better!” – “They are worse than us! We don’t go stabbing their children in the streets!” – “We shoot them instead! Does that make us morally superior?” – “We shoot them when they attack us! We’re fighters! They’re killers!” [14, с. 279].

2) You’re so typical! You Israelis treat us like we’re subhuman, like we can’t have feelings like you do. You think we don’t have people in Ramallah disappear all of a sudden? [23, с. 22].

В первом примере представлен фрагмент диалога между пожилым, уважаемым жителем кибуца Нэтом, выступающим за примирение израильской и палестинской сторон, и учениками школы, старшие из которых собираются на свои первые политические выборы, в которых они должны поддержать сторонников либо противников мирного сосуществования. В репликах Нэта оппозиция *we – they* используется не для разграничения, а для сопоставления, сравнения своих и чужих. Ответные реплики студентов жёстко противопоставляют члены дихотомии. Преступная деятельность чужих выражается через отрицание осуществления подобных актов своими (*We don’t go stabbing their children in the streets!*). Использование глагола *go* в сочетании с причастием настоящего времени *stabbing* имплицитно масштабирует, повторяемость нападений со стороны чужих, что также подчёркивается множественным числом существительных. Наконец, в антитестически построенных восклицательных предложениях “*We’re fighters! They’re killers!*”, звучащих из уст подростков, лексема *fighters* по контрасту с ярлыком *killers* приобретает положительный прагматический заряд, ассоциируя «своих» с силами добра.

Второй пример демонстрирует эксплицитное выражение дихотомии *we – you*, а использова-

ние личного местоимения *you* в сочетании с существительным, обозначающим национальную принадлежность *Israelis*, усиливает обвинительный характер высказывания, приписывая озвученную характеристику всем жителям Израиля.

Вышеприведённые примеры демонстрируют, как палестинцы и израильтяне выступают в роли противоположных членов оппозиции «свой-чужие», «мы-они». Однако в ходе анализа исследуемого материала нами выявлено и другое смысловое наполнение рассматриваемой дихотомии. Зачастую «свои» могут оказаться опаснее «чужих», и тогда персонажи произведения, будь то израильтяне или палестинцы, оказываются чужими среди своих. Таким образом, дихотомия «мы-они» может приобрести следующую структуру: в круг «своих» входят одновременно израильтяне и палестинцы, представляющие рядовых жителей региона и ставших заложниками сложившейся конфликтной ситуации, а в роли второго члена при этом выступают либо отдельные группы представителей израильского государства: правительственная, военная верхушка, поселенцы, незаконно занявшие палестинские деревни, – либо палестинские вербовщики и руководители террористических организаций. Подобное выстраивание рассматриваемой семантической оппозиции позволяет продемонстрировать относительность и изменчивость её структуры. Обратим внимание на следующий пример:

Because, if they turn you into that kind of man, what it means to me – what it’s already begun to mean to me – is that I should have stayed in Canada. That it’s all been for nothing. That this wonderful country that began so bravely has a cancer eating it. That’s what your generation has to fight and chase away, Nimrod. Not a bunch of hyped-up kids [14, с. 241].

В данном отрывке, звучащем из уст пожилого израильтянина Нэта в разговоре со своим внуком, маркер чуждости *they* указывает на израильских офицеров, отдававших приказ солдатам ломать руки арестованным палестинским подросткам за то, что те бросали камни в представителей израильской армии. Жестокость израильских военных метафорично сравнивается с одной из самых опасных, смертоносных болезней – раком, поглощающим молодое израильское государство. Как известно, раковая опухоль способна быстро разрастаться в организме, активно поражая здоровые ткани, и победить рак можно, только удалив все поражённые участ-

ки. Такая мощная метафора подразумевает, как легко и незаметно можно превратить обычного молодого человека в бездушный инструмент для пыток. Противопоставление двух угроз – раковой болезни, поражающей государство, и группы возбуждённых подростков – демонстрирует очевидность необходимости остановить своеволие военных. Различное семантическое наполнение членов дихотомии *we – they* позволяет подчеркнуть относительность и условность традиционного противопоставления израильтян и палестинцев.

Рассмотрение образа палестинца в англоязычных произведениях, посвящённых палестино-израильскому конфликту, с позиций

лингвистической имагологии позволяет выявить потенциал языковых средств при осуществлении искренней попытки понять представителей противоположной стороны конфликта, уловить их мировосприятие, их отношение к сути противостояния. Сложный имагологический образ раскрывается с разных сторон: описание внешности, внутреннего мира, выявление причин сложившегося мировоззрения, сопоставление с кругом своих. В результате стереотипные представления о палестинцах вытесняются более зрелым, осмысленным взглядом, что указывает на готовность услышать «иных», даёт надежду на грамотную расстановку приоритетов в преодолении противоречий.

Список литературы

1. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов. – 3-е. – М.: Издатель Валерий Костин, 2001. – 944 с.
2. Зеленин А.В. Немцы в русской культуре (Лингвистическая имагология) / А.В. Зеленин // Русский язык в школе. – 2013. – № 4. – С. 63-71.
3. Земсков В. Б. Россия на «переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX- начало XXI вв.). – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 4-26.
4. Иванова Л. П. Африка глазами Гумилёва (лингвоимагологический аспект) / Л. П. Иванова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Том 26 (65). № 1. – С. 471-477.
5. Иванова Л. П. Лингвоимагологические аспекты русского мировидения / Л. П. Иванова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический университет, 18-21 марта 2014г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – 848 с. – С. 110-111.
6. Иванова Л. П. Синтез науки – архитектуры – религии как предмет лингвоимагологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя) / Л. П. Иванова // Мир русского слова. – 2015. – № 1. – С. 52-56.
7. Королёва С. Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов): Монография. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 314 с.
8. Костина К. В. Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе: дис. ... кандидата филологических наук: 10. 02. 04. – Иркутск, 2011. – 171 с.
9. Ощепков, А.Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251 - 253.
10. Поляков О. Ю. Образы и «миражи» Хуго Дизеринка (к программе Аахенской школы компаративистики) / О. Ю. Поляков // Вестник Вятского государственного университета / Вятский государственный университет; Киров, 2013. – 121-125.
11. Поляков, О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии / О.Ю. Поляков // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвузовский сборник научных трудов / Вят. гос. гуманит. ун-т; отв. ред.: О.Ю. Поляков. – Киров: Радуга-ПРЕСС, 2012. – 270 с.
12. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. [М.], 2014, с. 122-123.
13. Феррони В. В. Три лика Другого: “Другой”, “Иной”, “Чужой” // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 112-130.
14. Banks, Lynne Reid. Broken Bridge. New York: Avon Books, 1994. 314 p.
15. Beller M, Leerssen J.(eds.). Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters – A Critical Survey. Series: Studia Imagologica, vol. 13; series editors: Hugo Dyserinck and Joep Leerssen. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007, 476 p.
16. <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/intifada> (дата обращения: 19.09.2017).
17. <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/underground> (дата обращения: 19.09.2017).
18. <http://politike.ru/termin/intifada.html> (дата обращения: 19.09.2017).
19. <http://www.ldoceonline.com/dictionary/intifada> (дата обращения: 19.09.2017).
20. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/intifada> (дата обращения: 19.09.2017).
21. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intifada> (дата обращения: 19.09.2017).
22. Kass, Pnina. Real Time. Boston: Graphia, Houghton Mifflin Company, 2004. 186 p.
23. Miklowitz, Gloria. The Enemy Has a Face. Grand Rapids: Eerdmans Books for Young Readers, 2003. 139 p.

24. Said, Edward "Intifada and Independence." In *Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation*, edited by Zachary Lockman and Joel Beinin. Boston: South End Press, 1989, 423 p.

Сведения об авторе:

Камалова Софья Дамировна – аспирант, преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО (У) МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: имагология, лингвистическая имагология, инонациональные образы и стереотипы, палестино-израильский конфликт. E-mail: salyam19@mail.ru.

THE IMAGE OF PALESTINIANS IN THE ISRAELI-PALESTINIAN CONFLICT

Sofya D. Kamalova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

The Abstract: *The article examines the image of Palestinians in English-language young adult fiction on the Israeli-Palestinian conflict as perceived by the Israeli side. The analysis is carried out within the scope of a new interdisciplinary field of research, i.e. linguistic imagology, which is focused on the linguistic means of creating an image of a foreign people. The article reveals theoretical aspects in the functioning of an imagological image, describes the structure and linguistic imagological mechanisms in the formation of the image of Palestinians as "the other" side of the Israeli-Palestinian conflict. An image is more complex than a stereotype, though the former can sometimes transform into the latter, which occurs in the speech of teenage Israeli characters from the books under analysis through the use of mythologems and labels. The author's speech and the speech of older characters indicate a more mature perception of the other side in the conflict, which is actualized in the use of aphoristic sayings. The dichotomy "we-they/ we-you" reveals the tendency to transform the opposition between civilian Israelis and Palestinians into their unification within one semantic group, which in its turn is opposed to the Israeli authorities and Palestinian leaders of extremist groups. The results of the research demonstrate the writers' attempts to overcome stereotypical perceptions of Palestinians by introducing a profound imagological image of the latter.*

Key Words: *linguistic imagology, Israeli-Palestinian conflict, image, stereotype, we-they dichotomy.*

References

1. Baranov, Kh. K. *Arabsko-russkij slovar': ok.42000 slov*. [Arabic-Russian Dictionary, Third Edition]. M.: Izdadel' Valerij Kostin, 2001. – 944 p.
2. Zelenin, A. V. *Nemtsy v russkoy kul'ture (Lingvisticheskaja imagologija)* [Germans in Russian Culture (Linguistic Imagology)]. *Russkij jazik v shkole* [The Russian Language at School], 2013, no. 4, pp. 63-71.
3. Zemskov, V. B. *Rossija na "perelome"* [Russia at the Turning Point]. *Na perelome: obraz Rossii proshloj i sovremennoj kul'ture i literature Jevropi i Ameriki (konec XX-nachalo XXI vv.)* [At the Turning Point: the Image of Past and Present Russia in European and American Culture and Literature (at the end of the XX-the beginning of the XXI centuries), 2011, pp. 4-26.
4. Ivanova, L. P. *Afrika glazami Gumilyova (lingvoimagologicheskij aspekt)* [Africa in Gumilev's Eyes (Linguoimagological Aspect)]. *Uchyonije zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Studies of Tavrida National Vernadsky University], 2013, vol. 26 (65), no. 1, pp. 471-477.
5. Ivanova, L. P. *Lingvoimagologicheskiye aspekti russkogo mirovidenija* [Linguoimagological Aspects of Russian Worldview]. *Russkij jazik: istoricheskije sud'bi i sovremennost': V Mezhdunarodnij kongress issledovatelej russkogo yazika* [The Russian Language: Historical Destiny and Modernity: V International Congress of Russian-language researchers], 2014, pp.110-111.
6. Ivanova, L. P. *Sintez nauki – arhitekturi – religii kak predmet lingvoimagologicheskogo opisanija (na material publicistiki Gogolya)* [Synthesis of Science – Architecture – Religion as the Subject of Linguoimagological Description (based on Gogol's Publicist Essays)]. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], 2015, no.1, pp.52-56.
7. Koroleva, S. B. *Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-h godov)* [The Myth of Russia in British Culture and Literature (until 1920s)]. M.: Direkt-Media, 2014, 314 pp.
8. Kostina, K. V. *Aksiologicheskij aspekt jazikovoj reprezentacii obraza Rossii v sovremennom nemeckom mediadiskurse*. Diss. kand. filol. nauk [The Axiological Aspect of Verbal Representation of the Image of Russia in the Modern German Mediadiscourse. Cand. phil. sci. diss.]. Irkutsk, 2011, 171 pp.

9. Oshchepkov, A. R. Imagologija [Imagology]. Znaniye. Ponimaniye. Umenije [Knowledge. Understanding. Skill], 2010, no.1, pp. 251-253.
10. Polyakov, O. Y. Obrazi i "mirazhi" Hugo Dizerinka (k programme Aahenskoj shkoli komparativistiki) [Hugo Dyserinck's Images and "Mirages" (for the curriculum of Aachen School of Comparative Studies)]. Vestnik Vjatskogo Gosudarstvennogo universiteta [The Journal of Vyatka State University], Kirov, 2013, pp. 121-125.
11. Poljakov, O. Y. Aktual'nye problemi izuchenija recepcii i reprezentacii nacional'nih obrazov v svete imagologii [Topical Issues of Studying the Reception and Representation of a National Character in the light of Imagology]. Imagologicheskiye aspekti russkoj i zarubezhnoj literatur: mezhvuzovskij sbornik nauchnih trudov [Imagological Aspects of Russian and Foreign Literature: a Collection of Scientific Articles], Vjatskij gos. gumanit. un-t, Kirov, Raduga-Press, 2012, 270 p.
12. Teorija i Metodologija istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar' [Theory and Methodology of the Historical Science. A Dictionary]. ed. by Chubaryan, A. O., M., 2014, pp. 122-123.
13. Ferroni, V. V. Tri Lika Drugogo: "drugoj", "inoj", "chuzhoj" [Three Faces of the Other: "Another", "Alien", "Stranger"]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [The Journal of Voronezh State University], 2012, no. 1, pp. 112-130.
14. Banks, Lynne Reid. Broken Bridge. New York: Avon Books, 1994. 314 p.
15. Beller M, Leerssen J.(eds.). Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters – A Critical Survey. Series: Studia Imagologica, vol. 13; series editors: Hugo Dyserinck and Joep Leerssen. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007, 476 p.
16. <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/intifada> (Accessed 19.09.2017).
17. <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/underground> (Accessed 19.09.2017).
18. <http://politike.ru/termin/intifada.html> (Accessed 19.09.2017).
19. <http://www.ldoceonline.com/dictionary/intifada> (Accessed 19.09.2017).
20. <https://en.oxforddictionaries.com/definition/intifada> (Accessed 19.09.2017).
21. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intifada> (Accessed 19.09.2017).
22. Kass, Pnina. Real Time. Boston: Graphia, Houghton Mifflin Company, 2004. 186 p.
23. Miklowitz, Gloria. The Enemy Has a Face. Grand Rapids: Eerdmans Books for Young Readers, 2003. 139 p.
24. Said, Edward "Intifada and Independence." In Intifada: The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation, edited by Zachary Lockman and Joel Beinin. Boston: South End Press, 1989, 423 pp.

About the author:

Sofya D. Kamalova – postgraduate student, teacher, English Language Department №3, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: Imagology, Linguistic Imagology, Israeli-Palestinian conflict. E-mail: salyam19@mail.ru.

* * *